

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 5 мѣсяцевъ 8 франк.
» 3 мѣсяца 5 »
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15ое НОЯБРЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Вольные люди Западнаго края и новый законъ о нихъ. П. С. — 2) Старозаимочныя земли въ Слободской Украниѣ. — 3) Ничего-не-дѣланіе, какъ высшій принципъ нашей государственной мудрости (письмо въ редакцію), Петербуржца. — 4) Къ исторіи о студенческихъ общежитіяхъ (письмо въ редакцію). — 5) Канцелярскія мытарства (письмо въ редакцію), Отставного Солдата. — 6) Изъ Бѣлорусіи (корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 7) Толкъ о передѣлѣ земли въ Польшѣ. — 8) Попытка и экономія въ уѣздѣ югозападнаго края (корреспонденція «Вольнаго Слова»). I. — 9) Письма изъ Галиціи, I. М.— она. 10) Первый международный антисемитическій конгрессъ. (Спеціальная корресп. «Вольнаго Слова»). V. (Окончаніе). — 11) Націонализація земли. (Продолженіе). — 12) Шестой національный конгрессъ рабочихъ во Франціи. — 13) Литературно-политическіе отрывки. «Le Révolté» объ иллюзіяхъ конспираторовъ и революціонеровъ. М. Драгоманова.

Женева, 15 ноября 1882.

Любопытно въ качествѣ характеристики новѣйшаго русскаго законодательства недавно появившеся въ свѣтъ высочайшее повелѣніе о поземельномъ устройствѣ бывшихъ вольныхъ людей Западнаго края. По предварительно скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи этого класса людей. Чиншевское право, говоритъ авторъ прекрасной статьи «Наслѣдственные арендаторы въ Западномъ краѣ» (Порядокъ, 1882 г. № 279), развилось въ Западномъ краѣ во время польскаго владѣтельства, на основаніи нѣмецкаго магдебургскаго права. Въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, до конца XVIII в., никто, кромѣ шляхты, не имѣлъ права владѣть земельною собственностью. Вслѣдствіе этого польскіе короли, для усиленія производительности края, стали раздавать земли въ своихъ имѣніяхъ въ «вѣчное пользованіе» за «чиншъ» (Zins—оброкъ). Прямѣру ихъ, частью, съ той же цѣлью, частью, для увеличенія численности своей военной рати, послѣдовали магнаты, владѣльцы громаднхъ земельныхъ пространствъ. Въ отдѣлѣ обязанностей, налагаемыхъ на чиншевиковъ, всегда говорилось, что они должны отбывать повинность,

одинаковую съ другими поселенцами, затѣмъ перечислялись ихъ обязанности, кои въ общихъ чертахъ были слѣдующія: а) безпресловенное исполненіе требованій, приказаній и рѣшеній вотчинника и б) снаряженіе по первому востребованію владѣльца съ каждаго пяти влокъ по одному копному воину, хорошо вооруженному, въ нащурѣ и въ латахъ, со щитомъ и копьемъ, не только во время войны, но и для службы при замкахъ; невыполненіе сказанной услуги влекло за собою уничтоженіе привилегій. Если лица, получившія земли, не принадлежали къ дворянскому сословію, то на нихъ накладывались, кромѣ того, различныя данн съ меда, ржи, овса и т. д. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ отъ дворянъ, заселившихся на свободныхъ земляхъ, не требовалось никакой повинности, кромѣ военной службы. Въ городахъ и мѣстечкахъ, весьма обильно надѣленныхъ землями своими владѣльцами, королями и вельможами, давались пазцы, т. е. усадебныя угодья въ размѣрѣ приблизительно морга, т. е. $\frac{2}{3}$ десятъ, съ правомъ возводить постройки, пользоваться общимъ выгономъ, водоемомъ, лѣсомъ и т. д. Повинность за такія пазцы полагалась исключительно денежная. Когда западныя губерніи были «возвращены» Россіи, и магнаты потеряли право имѣть собственныя войска, воинская повинность была замѣнена отчасти денежною, при чемъ, съ теченіемъ времени, размѣры чинша все увеличивались. Вслѣдствіе этого уже съ начала настоящаго столѣтія является цѣлый рядъ недоразумѣній и процессовъ между чиншевиками и владѣльцами имѣній. Со стороны владѣльцевъ стало даже замѣтно стремленіе выселять чиншевиковъ, а со стороны послѣднихъ — превратить безсрочное пользованіе въ полную собственность. Убѣдившись въ невозможности доказать права собственности на занимаемыя земли, чиншевики стали домогаться владѣть ею за первоначально наложенную на нихъ ничтожную денежную плату, отбросивъ воинскую и всякія другія натуральныя повинности. Процессы

чиншевиковъ съ вотчинниками отличаются разнообразнымъ и произвольнымъ толкованіемъ правъ чиншевиковъ — лицами и учрежденіями, отъ коихъ рѣшенія ихъ дѣла зависѣли; по въ результатѣ чиншевики обыкновенно проигрываютъ свои искъ, на основаніи той статьи свода законовъ (1692, X т. 1-ая часть), которая не дозволяетъ отдачу земель въ аренду, болѣе чѣмъ на 12 лѣтъ. Подобный исходъ, хотя и основанъ на законѣ, далеко несправедливъ. Привязанность къ тому, надѣ чѣмъ трудился, присуща всякому человѣку, и тѣмъ болѣе западно-русскому простолюдину, который ни за что не промѣняетъ песчаную батьковщину на самый лучшій черноземъ*). Лишая вѣчнаго пользованія своими участками чиншевиковъ судебныя мѣста породили цѣлый классъ безземельныхъ и озлобленныхъ пролетаріевъ, ибо, вотчинники, считая ихъ безпокойными людьми и пользуясь выпрышемъ дѣла, стараются выселить ихъ изъ имѣній. Для опредѣленія правъ и устройства быта чиншевиковъ самымъ правильнымъ пріемомъ было бы обратиться къ документамъ, опредѣляющимъ права и обязанности обѣихъ сторонъ и примѣнить ихъ къ требованіямъ настоящаго времени. Изъ подлинныхъ документовъ видно, что во всѣхъ выданныхъ чиншевикамъ привилегіяхъ существуетъ одно неизмѣнное правило: земля отдавалась на вѣчныя времена за обычную повинность. Смыслъ этого условія очень ясенъ: земля отдавалась въ потомственное пользованіе; повинность же за нее должна была отбываться равная той, которую отбывали другіе. Цѣль такого договора очевидна: одна сторона пріобрѣтала на вѣчныя времена землю съ гарантіею, что не будетъ обременена непосильною повинностью, другая обеспечивала себѣ доходъ, равный отбываемому окружающимъ населеніемъ. Можно утвердительно

*) Слѣдуетъ замѣтить, что почти всѣ земли, обрабатываемыя вольными людьми и чиншевиками, особенно въ Литвѣ, Бѣлорусіи, на Волыни и въ Кіевскомъ Полѣсѣ, орошены отъ лѣсу и осушены ихъ предками. (Ред.)

заявил на трибунѣ, что анархистамъ не нужно ни парламента, ни дисциплины, ни рабочихъ конгрессовъ, что имъ вообще ничего не нужно, за исключеніемъ une «révolution violente et immédiate». Этимъ заявленіемъ Бордъ еще болѣе отгнѣнилъ умѣренность предыдущихъ ораторовъ. Кловисъ-Гюгъ, марсельскій депутатъ, заключилъ свою рѣчь словами, что онъ не станетъ проповѣдывать революціи, ибо не желаетъ брать на себя столь тяжелую отвѣтственность. Вслѣдъ за симъ обратились непосредственно къ рудокопамъ, желая знать ихъ мнѣнія и желанія.

Рудокопы отвѣчали, что будущій строй, положимъ, не дуренъ, что всю тяготу современнаго распредѣленія собственности они испытываютъ на своихъ спинахъ, но, чтобы достигнуть будущаго блага, нужно обратить вниманіе на существующее положеніе рабочаго класса и добиваться практическихъ мѣръ для немедленнаго его улучшенія. Для рудокоповъ необходимо: во первыхъ, сократить число рабочихъ часовъ, т. е. вмѣсто 10 и 11 часоваго рабочаго дня, имъ нужно добиться восьми часоваго труда. Во 2-хъ, чтобы между углекопами была учреждена центральная касса, которая бы выдавала пособия больнымъ, дѣтямъ и вдовамъ убитыхъ на работѣ въ шахтахъ и, наконецъ, рабочимъ, хотя не проработавшимъ въ шахтахъ 25 лѣтъ, но которые благодаря работѣ, получили болѣзнь, не позволяющую имъ болѣе продолжать зарабатывать себя кусокъ хлѣба. По мнѣнію рудокоповъ, государство должно удѣлить сумму для образованія предназначеннаго для этой цѣли фонда. Въ 3-хъ, чтобы рабочіе могли выбирать изъ своей среды надзирателей и инспекторовъ, на обязанности которыхъ лежало бы тщательное наблюденіе за устройствомъ шахтъ для уменьшенія и предупрежденія несчастныхъ случаевъ. «Всѣ эти вопросы у насъ стоятъ на очереди; осуществленіе ихъ чрезвычайно для насъ важно. Вы же трактуете о вопросахъ болѣе отдаленныхъ».

Услышавъ такіа рѣчи, делегаты пристали къ углекопамъ, чтобы они приступили, для достиженія своихъ цѣлей, немедленно къ стачкѣ. Углекопы возразили, что стачка не своевременна, прибавивъ, что прійдетъ время, когда они, можетъ быть, и будутъ вынуждены къ этой мѣрѣ. Въ настоящее же время, они думаютъ сначала прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ. Они думаютъ пригласить своихъ депутатовъ и изложить имъ свои требованія съ тѣмъ, чтобы послѣдніе подняли о нихъ вопросъ въ палатѣ депутатовъ.

Делегаты конгресса пустились съ углекопами въ споръ, сопровождавшійся довольно неприличными выходками, и, въ пылу горячности, одинъ делегатъ, Алеманъ, заявилъ, что делегаты прійдутъ къ рудокопамъ въ шахты для того, чтобы поднять стачку. На что углекопы отвѣтили лаконически: «попробуйте только!» Вслѣдъ за этимъ углекопы и другіе представители синдикатовъ St-Etienne'a удалились съ тѣмъ, чтобы болѣе и не возвращаться *).

*) Упомянемъ мимоходомъ, что углекопы, пригласивъ чередъ педѣлю депутатовъ своего округа, въ своихъ рѣчахъ заявили, помимо всѣхъ вышеупомянутыхъ требованій, еще и слѣдующее: чтобы государство отдало угольныя копи корпорациямъ рудокоповъ, на что инженеръ

Члены большинства конгресса, не внимая ни общимъ, ни частнымъ требованіямъ углекоповъ, разсориившись съ ними и изгнавъ централлистовъ, начали заниматься постановленіями.

На первомъ планѣ было выставлено завоеваніе муниципалитетовъ. Всѣ остальные постановленія касаются исключительно организаціи партій и опредѣленія обязанностей національнаго комитета, между которыми параграфъ пятый гласитъ, что на обязанности комитета лежитъ вести строгую статистику моральнаго и матеріальнаго положенія рабочихъ корпорацій, въ особенности рабочей задыльной платы и положенія учениковъ, для того, чтобы имѣть возможность на другой день социальнѣй революціи улучшить какъ то, такъ и другое.

Жаль, что упрямые углекопы не знали заранее объ этомъ параграфѣ! Быть можетъ, они сдѣлались бы тогда податливѣе и отказались бы отъ своихъ центральныхъ касъ и отъ всего прочаго. Что касается до постановленія Роанскаго конгресса, то централлисты, за неимѣніемъ времени, ограничились писаніемъ вышеупомянутыхъ манифестовъ.

И такъ, мы оказались почти одновременно въ присутствіи трехъ національных конгрессовъ: конгрессъ, такъ называемыхъ, барберистовъ, централлистовъ и коммуналистовъ. Каждый изъ нихъ считаетъ себя настоящимъ и единственнымъ представителемъ рабочей партіи. Мы же думаемъ, что во Франціи въ данное время нѣтъ пока рабочей партіи, т. е. партіи, представляющей извѣстную политическую силу. Есть только зачатки ея. Настоящая рабочая партія образуется во Франціи только тогда, когда тамонніе социаллисты на самомъ дѣлѣ пріймутъ во вниманіе существующія условія и ходъ дѣла въ странѣ и выработаютъ требованія, общія всему рабочему классу Франціи, что, разумеется, и сдѣлаютъ съ теченіемъ времени скорѣе всего социаллисты коммуналисты *).

компаніи заявилъ, что никто не мѣшаетъ рабочимъ сдѣлаться даже въ настоящее время участниками компаніи, купивъ акціи. «А деньги! а деньги!» — раздалось въ залѣ со всѣхъ сторонъ. Инженеръ отвѣчалъ, что остается хлопотать о пониженіи цѣны акціи съ 500 на 50 фр.

*) Соглашаясь вполне съ мнѣніемъ нашего корреспондента, мы прибавимъ, что для достиженія цѣли образованія дѣловой рабочей партіи во Франціи необходимо бы было, между прочимъ, измѣнить совершенно характеръ конгрессовъ, называющихъ себя національными и рабочими, и возвратиться скорѣе къ точкѣ, на которой стояли первые такіе конгрессы (Парижскій 1877 и Лионскій 1878 г.), чѣмъ продолжать идти въ томъ направленіи, какое приняли эти конгрессы съ марсельскаго въ 1879 г. Первые два конгресса имѣли цѣлью собрать свѣдѣнія о положеніи и мнѣніяхъ всѣхъ рабочихъ Франціи, для чего и конгрессы назывались просто «рабочими конгрессами». На 3-мъ организаторамъ удалось провести большинствомъ резолюцію коллективистическаго характера, — съ тѣхъ поръ конгрессы получили имя «социалистическихъ рабочихъ конгрессовъ». Послѣ 4-го конгресса прибавилось еще новое прилагательное — «революціонный». Но точтасъ же оказалось, что каждая фракція изъ участниковъ въ 3-мъ—5-мъ конгрессахъ понимаетъ это прилагательное по своему и отнимаетъ честь носить этотъ титулъ у несогласныхъ съ нею, при чемъ, въ пылу кружковаго спора, измѣняетъ свои опредѣленія (такъ случилось, напр., съ группой Гедъ, отъ имени которой недавно высказаны были въ «Le Citoyen» мнѣнія, произведенныя въ 47 №-рѣ «Вольнаго Слова», подъ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

Le Révolté

Объ иллюзіяхъ конспираторовъ и революціонеровъ.

Въ 17 №-рѣ Le Révolté закончена статья «о правительствѣ во время революціи». Въ статьѣ этой, въ которой, какъ во всѣхъ писаніяхъ новѣйшихъ анархистовъ, у которыхъ смѣшались здравыя идеи прудоновскаго анархизма (собственно федерализма) съ привычками мысли запоздалаго якобинства, превратившагося въ бланкистское вспыскушество, — справедливыя вещи смѣшиваются съ странностями, находимъ соображенія, которыя мы считаемъ интересными и для русскихъ читателей:

«Воображать, что правительство можетъ быть ниспровергнуто тайнымъ обществомъ, — говоритъ названная газета, — и что это общество можетъ стать на его мѣсто, это заблужденіе, въ которое впадали всѣ революціонныя организаціи, зародившіяся въ средѣ республиканской буржуазіи съ 1820 г. Но факты въ изобиліи обнаруживаютъ очевидность этого заблужденія. Какую преданность дѣлу, какое самоотверженіе, какую настойчивость показали тайныя республиканскія общества Молодой Италиі, — и однакожь весь этотъ громадный трудъ, всѣ эти жертвы, принесенныя молодежью итальянскою *), передъ которою блѣднѣютъ даже жертвы революціонной молодежи русской, всѣ эти трупы, наваленныя въ австрійскихъ казематахъ и подъ ножемъ и подъ пулями палача, — все это (плоды всего этого), было унаслѣдовано лукавцами буржуазіи и королевствомъ. **)

«Тоже самое и въ Россіи. Рѣдко можно найти въ исторіи тайное общество, которое съ столь малыми средствами достигло результатовъ столь огромныхъ, какъ достигнутые русской молодежью.

«Трудно найти другую организацію, которая бы показала столько энергіи и столько могучей дѣятельности, какъ «Исполнительный Комитетъ». Онъ потрясъ этотъ колоссъ, который казался неуязвимымъ, — царизмъ; онъ сдѣлалъ самодержавное правительство отишнѣ невозможнымъ въ Россіи. И однакожь очень наивны были бы тѣ, которые бы во-

которыми вполне могли бы подписаться и «поспѣбисты»). На послѣднихъ рабочихъ конгрессахъ главной заботой организаторовъ стало не изслѣдованіе положенія и мнѣній массы рабочихъ, не привлеченіе къ движенію возможно большаго числа послѣднихъ, — а проведеніе во чтобы ни стало извѣстныхъ формулъ и титуловъ, приданіе имъ оффіціального значенія. Отсюда заботы объ искусствѣ большинствѣ, объ исключеніи конкурентовъ и т. п. На такой дорогѣ не создаются, а распадаются партіи, затеваются смыслъ ихъ, и передовые люди ихъ превращаются постепенно въ генеральные штабы безъ армій, а потомъ даже и въ генераловъ безъ штабовъ. Желательно, чтобы примѣръ французовъ послужилъ предостереженіемъ для дѣятелей народовъ болѣе отсталыхъ. (Ред.)

*) Замѣтимъ, впрочемъ, что «Молодая Италія» вовсе не все равно, что «революціонная молодежь»; послѣднее понятіе есть вещь спеціально русская.

**) Собственно въ данномъ случаѣ только и можетъ быть рѣчь, что о королевствѣ (конституціонномъ, впрочемъ, на которое согласились и такіе «Молодые Итальянцы», какъ Гарибальди), — а не о буржуазіи, противъ которой тѣмъ болѣе не имѣли ничего и самыя «Молодые Итальянцы», что самъ Le Révolté нѣсколько строкъ выше называлъ ихъ «республиканской буржуазіей». «Молодая Италія» и социализмъ — явленія совсѣмъ разныхъ историческихъ періодовъ.

образили, что этот Исполнительный Комитетъ сдѣлается господиномъ правленія въ тотъ день, когда корону Александра III будутъ волочить въ грязи. Другіе, — мудрые, которые работаютъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать себя имя, въ то время, когда революціонеры роютъ мины и гибнутъ въ Сибири, другіе, — интриганы, говоруны, адвокаты, литераторы*), которые проливаютъ время отъ времени скоро отираемыя слезы на могилахъ героев и поздравляютъ, какъ друзья народа, — вотъ что займетъ мѣсто вакантнаго правительства и закричитъ: «Назадъ!» тѣмъ «неизвѣстнымъ», которые приготавливаютъ революцію.

«Это неизбежно, это фатально — и не можетъ быть иначе. Ибо вовсе не тайны общества, ни даже революціонныя организаціи наносятъ послѣдніе удары правительствамъ. Ихъ функція, ихъ историческая миссія — приготовленіе умовъ къ революціи. А когда умы приготовлены, — при помощи вишнихъ условій, — происходитъ послѣдній толчокъ — вовсе не отъ группы инициаторовъ, а отъ массы, которая осталась вѣдь развѣтвленной (тайнаго) общества. 31 августа (1870 г.) Парижъ остался нѣмъ (глухъ) къ призыву Бланки. Четыре дня позже онъ провозглашаетъ изложеніе правительства; но тогда вовсе не бланкисты были инициаторами движенія. Народъ, миллионы низвергаютъ съ трона Декабрьскаго человѣка и провозглашаютъ правителями фарсѣровъ, которыхъ племя называли нмъ въ ухахъ въ теченіе двухъ лѣтъ (больше!).

«Когда революція готова вспыхнуть, когда движеніе чувствуется въ воздухѣ, когда успѣхъ уже сталъ вѣрнымъ, тогда тысячи новыхъ элементовъ, на которыхъ тайная организація не имѣла никогда прямого вліянія, присоединяются къ движенію, какъ хищныя птицы, падающія на поле битвы, чтобы раздѣлить остатки жертвъ. Они то (эти элементы) помогаютъ произвести послѣдній толчокъ, но они берутъ себя начальниковъ не въ рядахъ искреннихъ и непримиримыхъ заговорщиковъ, а среди балансеровъ, — если только они вдохновлены мыслию, что начальники необходимы».

«Заговорщики, которые поддерживаютъ предразсудокъ диктатуры, — работаютъ безсознательно для облегченія прыжка ко власти собственныхъ ихъ враговъ».

Мысли въ такомъ родѣ не составляютъ новости для читателей «Вольнаго Слова», въ которомъ не разъ было говорено не только подобное, но даже указывалось, что центристическо-диктаторскія стремленія революціонеровъ въ Россіи подрываютъ самую силу революціоннаго движенія, и даже, въ случаѣ дѣйствительнаго революціоннаго взрыва, приготавливаютъ условія даже не для господства «балансеровъ» (какъ во Франціи), а просто для восстановленія самодержавія (какъ это случилось въ Австріи послѣ 1848 г.) или же диктатуры какого нибудь «блага генерала». При извѣстномъ нашемъ читателямъ скептическомъ отношеніи нашемъ ко всякимъ авторитетамъ и мечтаніямъ, консервативнымъ, какъ и революціоннымъ, наипрѣмѣе въ такомъ родѣ не представляютъ по крайпей мѣрѣ ничего неожиданнаго. Но со стороны «Révolté» напечатаніе выше приведенныхъ строкъ

нельзя не считать проявленіемъ гражданской смѣлости, не совѣтъмъ обычной.

Не менѣе выписанныхъ любознательны и дальнѣйшія соображенія женевской газеты, хотя они не имѣютъ уже столь близкаго отношенія къ российскимъ дѣламъ.

«Но, если то, что мы сейчасъ сказали, говоритъ Le Révolté, — вѣрно относительно революціи или скорѣе бунтовъ (émeutes) политическихъ, — то оно еще болѣе вѣрно по отношенію къ Революціи Соціальной. Дозволено установить какому либо сильному и внушающему повиновеніе правительству — это значитъ затормозить съизначала ходъ революціи. Добро, которое это правительство можетъ сдѣлать, ничтожно, а зло — огромное.

«Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ идетъ дѣло, что разумѣемъ мы подъ (этой) Революціей? — Это не простая смѣна правителей. Это принятіе народомъ во владѣніе всего общественнаго богатства и обращеніе въ общее пользованіе этого богатства. Это отнятія всѣхъ властей, которые не переставали препятствовать развитію человѣчества. Но развѣ этотъ огромный переворотъ (révolution) экономическій можетъ быть совершенъ приказаніями, исходящими отъ правительства? — Здѣсь газета напоминаетъ историческіе примѣры неисполненія такихъ приказовъ, которые стояли выше уровня идей массы, — но къ сожалѣнію первый же примѣръ цитируетъ не точно, — говоря, будто «революціонный диктаторъ польскій, Костюшко, предписалъ уничтоженіе крѣпостнаго права» *).

«Но если, продолжаетъ Le Révolté, — правительство, даже еслибъ оно было идеаломъ революціоннаго правительства, — не создаетъ новой силы и не представляетъ никакаго удобства для дѣла разрушенія, которое мы должны выполнить, — то мы еще менѣе можемъ разсчитывать въ дѣлѣ реорганизаціи, которая должна слѣдовать за разрушеніемъ. Экономическая перемѣна, которая вытечетъ изъ Соціальной Революціи будетъ столь огромна и глубока и должна такъ измѣнить всѣ отношенія, основанныя теперь на собственности и объѣмѣ, — что не возможно ни одному, ни нѣсколькимъ личностямъ выработать общественныя формы, которыя должны родиться въ новомъ обществѣ. Эта работа новыхъ общественныхъ формъ не можетъ быть иначе совершена, какъ коллективнымъ трудомъ массъ. Чтобы удовлетворить громадному разнообразію условій и новыхъ нуждъ, которыя рождаются въ тотъ день (?!), когда личная собственность будетъ разрушена, нужно безконечное разнообразіе коллективнаго

*) Славянскимъ сотрудникамъ женевской газеты не трудно было бы справиться хоть бы съ книгой Костюмарова «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», чтобы узнать, что никогда Костюшко подобнаго декрета не издавалъ. Но мы нарочно остановились на этой неточности, такъ какъ она даетъ намъ случай замѣтить, какъ небрежно относится учителя рабочихъ классовъ къ своей работѣ. Слосшь и рядомъ видишь, что даже одинъ и тотъ же авторъ, когда пишетъ для «буржуазнаго» изданія, то считаетъ долгомъ заботиться и о формѣ, и о точности фактовъ, — а для «революціонной» прессы, для рабочихъ — считается позволительнымъ руководствоваться приѣмомъ повара Ноздрена: «катай, валяй, — было бы горячо, а вкусъ какой нибудь вѣрно выйдетъ!» Не оттого ли, между прочимъ, даже социалисты-революціонеры, и рабочіе не могутъ прожить безъ «буржуазной прессы», а своей и самъ не читаютъ? О «буржуазной» публикѣ и говорить нечего...

ума страны. Всякая вишняя власть будетъ только препятствіемъ, помѣхою органическому труду, который долженъ быть совершенъ, и, по стольку же, источникомъ раздоровъ и ненависти».

Въ сущности всею вышеприведенною тирадою Le Révolté доказываетъ, что самое понятіе Соціальной Революціи не имѣетъ смысла, если понимать слово революція въ обычномъ значеніи: гражданской войны. Но тѣмъ не менѣе газета заканчиваетъ заявленіемъ въ пользу такой революціи, въ то же время восклицая: «довольно правительствъ, дайте мѣсто народу, анархіи». Какимъ образомъ культъ революціи, да еще съ вѣрою въ совершеніе ея въ одинъ «день», можетъ ужиться съ идеей о социализмѣ и анархіи, — понять такъ же трудно, какъ и то, какимъ образомъ дѣло разрушенія существующаго экономическаго строя можетъ быть отдѣляемо отъ организаціи новаго. Революція, какъ вооруженное возстаніе извѣстнаго меньшинства (большинству нечего возставать), есть понятіе круга отношеній политическихъ, государственныхъ и тамъ имѣетъ полный смыслъ, ибо извѣстнаго меньшинства бываетъ достаточно для испроверженія даннаго вишняго государственнаго строя и установленія другаго, хотя не всегда бываетъ достаточно для упроченія его. Но что можетъ сдѣлать какое либо меньшинство въ такомъ дѣлѣ, какъ установленіе общаго пользованія имуществомъ, требующее добровольнаго соглашенія и высокаго нравственнаго развитія отъ огромнаго большинства населенія? Тутъ и не очень крупное большинство не достаточно. Далѣе, какимъ образомъ война можетъ быть производима безъ власти, какимъ образомъ она можетъ обойтись безъ того, чтобы не породить власти, даже если бы первоначально это и не имѣлось въ виду? Анархисты, не отдѣлавшіеся отъ привычекъ государственности, придумали, правда, для примиренія рѣжущихъ глаза противурѣчій, раздѣлить актъ соціальной революціи на два момента: въ одинъ день — разрушеніе, на другой день — реорганизація; нервалъ будто произведется самопроизвольнымъ народнымъ возстаніемъ, хотя бы и хаотическимъ и за тѣмъ изъ хаоса народъ самопроизвольно же устанавливаетъ новый порядокъ. Но хаосъ можетъ повести только къ хаосу же, который оканчивается диктатурою перваго взявшаго палку. Для того же, чтобы люди могли прочно замѣнить старый порядокъ новымъ, а особенно такимъ сложнымъ, какъ націонализація или даже интернационализація собственности, надо, чтобы они имѣли въ умахъ готовый планъ такой организаціи, каковой вырабатывается, или лучше сказать, вырастаетъ рядомъ опытовъ въ постоянной разносторонней борьбѣ съ отживающимъ порядкомъ и въ такихъ же попыткахъ установленія новыхъ порядковъ. Этого роста и составленія общественной эволюціи, вѣко торой военныя дѣйствія, какъ изрывы классовой ненависти, бунты и революціи, конечно, неизбежны, но въ которой они составляютъ только часть и при томъ далеко не самую существенную.

М. Драгомановъ.

*) А Le Révolté не литература?!